

DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.12

УДК 316.35, ББК 60.59

© Дидковская Я.В., Трынов Д.В.

Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона*

Яна Викторовна

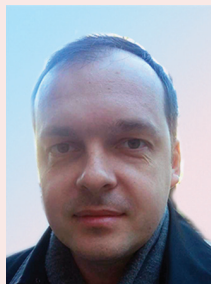
ДИДКОВСКАЯ

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, ул. Мира, 19

E-mail: diyana@yandex.ru

Дмитрий Валерьевич

ТРЫНОВ

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, ул. Мира, 19

E-mail: dmitrynov@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрены социальные ожидания молодежи крупного индустриального региона России во взаимосвязи с ее социальным самочувствием. Информационной базой статьи стали результаты выборочного исследования, проведенного социологами Уральского федерального университета под руководством Ю.Р. Вишневого в 2016 г. в г. Екатеринбурге и Свердловской области. Опрошено 2512 человек в возрасте от 15 до 30 лет, использована целевая квотная выборка, квотными признаками выступили занятость (работающая, учащаяся и безработная молодежь), возраст (опрошены молодые люди трех возрастных категорий – до 20 лет, 21–25 лет

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00907 «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала».

Для цитирования: Дидковская Я.В., Трынов Д.В. Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 202-214. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.12

For citation: Didkovskaya Ya.V., Trynov D.V. Social Well-Being and Expectations of the Youth in the Industrial Region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 202-214. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.12

и 26–30 лет) и тип поселения (жители Екатеринбурга, других крупных городов области, средних, малых городов, сел и поселков городского типа). В настоящей работе поставлена проблема изучения социального самочувствия молодежи, ключевым фактором которого выступают её ориентации на будущее, ожидания и жизненные стратегии. На основе анализа научных концепций, посвященных социальному самочувствию населения, вскрывается важная черта молодежи как социально-демографической группы – ориентация на перспективу и значительный горизонт планирования. Выдвинуто обоснованное предположение, которое частично подтвердилось результатами опроса, что социальное самочувствие молодежи в значительной степени зависит от сформированного образа будущего и оценки своих жизненных перспектив. Респонденты, проявляющие уверенность в завтрашнем дне, склонны более позитивно оценивать настоящее. На основе данных опроса составлена классификация групп молодежи по критерию их отношения к жизненным перспективам: «ноувисты» (от англ. now – сейчас), «оптимисты», «пессимисты» и «терпеливые». В качестве дискуссионной в дальнейшем авторы обозначают проблему: молодые люди, которые четко фиксируют образ будущего и организуют свою жизнь сообразно жизненным стратегиям, проявляют лучшие способности к социальной адаптации.

Ключевые слова: социальное самочувствие, жизненные перспективы, социальные ожидания, социально-экономический статус, образ социального будущего.

Введение. Одним из индикаторов эффективности социально-экономического развития региона, оценки качества жизни выступает самочувствие различных социальных групп и слоев населения. Выбор молодежи индустриального региона в качестве объекта исследования объясняется сразу несколькими обстоятельствами.

Во-первых, смена индустриальной модели развития на постиндустриальную оказала крайне негативное воздействие на регионы с высокой концентрацией промышленного производства, большим количеством крупных предприятий [1, 2].

Во-вторых, помимо собственно хозяйственных издержек, оказался существенным и социальный ущерб. Деактуализировались привычные ориентиры молодежи на получение инженерно-технического образования и трудоустройства на промышленных предприятиях [3]. В целом вырос риск социально-культурных деформаций, были прерваны механизмы культурной трансмиссии, в результате чего молодежь оказалась лицом к лицу с необходимостью адаптации и самостоятельного поиска жизненных ориентиров без опоры на позитивный опыт старшего поколения.

В-третьих, молодежь рассматривается одновременно как одна из наиболее уязвимых социальных групп, но вместе с тем обладающая потенциалом, составляющим ресурс развития всего общества [4]. Следовательно, успехи или

неуспехи реализации мер государственной политики прямо отражаются на показателях самочувствия и ожиданиях молодежи.

В зарубежном общественном исследовании социального самочувствия традиционно ведутся на базе концепций «социального благополучия» [5, 6, 7, 8], «качества жизни» [9, 10, 11], «социального счастья» [12, 13, 14]. Английская литература преимущественно содержит термины *welfare*, что синонимично русскому эквиваленту «благополучие», и *well-being*, что означает «благополучие» или «самочувствие». Под ними понимаются позитивные (радость, удовлетворенность, счастье) и негативные (страх, тревога, опасения) состояния, но – самое главное – одновременно выделяется социальный компонент благополучия: оценка человеком своей жизни в соотношении с ситуацией в обществе.

Несмотря на то что в русле западных концепций социальное самочувствие исследуется как субъективный феномен, оно отражает некие реальные условия жизни людей. Поэтому можем зафиксировать факт, что использование результатов социального самочувствия в социальном познании на Западе уже «стало социальной нормой, а основой методологии социальных исследований – не просто описание жизненно важных проблем, наслаения их друг на друга, тревог и напряженности людей, а анализ работы власти и доминирования утверждаемых в обществе приоритетов» [15, с. 11].

В отечественной социологической литературе имеется значительный пласт работ, посвященных исследованию социального самочувствия и ожиданий молодежи [15, 16, 17]. В центре проблематики исследований социального самочувствия оказываются такие аспекты, как социальная адаптация [18, 19, 20], социальная активность и напряженность [21, 22]; факторы, формирующие девиантное поведение малоресурсных подгрупп молодого поколения [23, 24, 25]. В попытке сгруппировать авторские концепции можно прийти к выводу, что все они исходят из анализа субъективных оценок людьми своего положения в системе социального неравенства.

Однако при всем многообразии исследовательских работ пока отсутствует целостная концепция, которая отражала бы связь между социальными ожиданиями и самочувствием молодежи, а также объясняла степень их взаимовлияния.

В свете этого поставлена цель статьи: концептуализировать связь между ожиданиями молодежи и ее социальным самочувствием. Прикладной задачей выступает исследование уровня удовлетворенности молодых людей различными аспектами социальной реальности, условиями их жизнедеятельности и отслеживание на примере индустриального региона связи между ориентацией молодежи на будущее и ее актуальным самочувствием.

Теоретико-методологические основания исследования

В современной науке утвердились два теоретических подхода к исследованию социального самочувствия – социологический и психологический. Длительное время в методологии «социального самочувствия» преобладал психологический подход (Гриценко, Коломиец, Крупец, Шаламова). В его основу положено исследование социального самочувствия как индивидуального или группового феномена. Социальное самочувствие рассматривается как социально-психологическое состояние индивида или группы, которое хотя и возникает под влиянием объективных обстоятельств жизнедеятельности, но центром и предметом анализа остается измерение переживаний субъектом его чувственно-эмоциональной и когнитивной сфер [34].

Углубление теории социального самочувствия стало следствием развития самой социологии в постсоветский период, поиска новых оснований, объясняющих бурные социальные процессы. «Субъективное восприятие человеком собственной жизни перестало быть прерогативой только психологических исследований в силу существенного влияния объективных факторов, в значительной мере детерминирующих жизнедеятельность как отдельного индивида, так и социальных общностей» [26, с. 50].

Анализ интерпретации понятия «социальное самочувствие» в рамках социологического подхода показывает широкий диапазон трактовок этого явления (Рубина, Тощенко, Харченко, Петрова). В одной из первых социологических работ, посвященных этой проблеме, Е.В. Давыдова определяет социальное самочувствие как «удовлетворенность человека различными сторонами жизни: семейной, бытовой, трудовой, досуговой, социально-политической, социально-экономической, социально-культурной» [27, с. 14]. В дальнейшем это определение уточнялось и расширялось в зависимости от авторского видения и предметного поля конкретного исследования, однако неизменной оставалась ее основа – категория удовлетворенности [28, 29, 30].

Н.И. Лапин, определяя социальное самочувствие с позиций аксиологического подхода, обращает внимание на его соотнесенность с контекстом настоящих условий и с ориентациями на будущее: «Социальное самочувствие – это субъективное восприятие людьми смыслов своей жизнедеятельности здесь и теперь, в контексте прошлого и ожидаемого будущего. Это ценностно-эмоциональное их отношение к своему социальному положению и уровню удовлетворения своих потребностей, интересов»¹. Однако Лапин рассматривает степень оптимизма в оценке будущего лишь как одну из составляющих социального самочувствия, тогда как образ социального будущего молодежи как целостный феномен тесно взаимосвязан с ее субъективным восприятием и ощущением событий и условий настоящего.

¹ Лапин Н.И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // VIII Международная научная конференция «Модернизация экономики и общественное развитие»: в 3 кн. / под ред. Е.Г. Ясина. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. Кн. 2. С. 210-219.

На наш взгляд, сущность социологического подхода к изучению социального самочувствия раскрывается через анализ данной категории одновременно на макро- и микроуровнях социальной системы, а именно во взаимодействии объективных факторов и условий жизнедеятельности и их субъективного восприятия (преломления) в сознании индивида и социальной группы. Второй важный момент, определяющий специфику социологического анализа социального самочувствия, заключается в рассмотрении в качестве субъекта самочувствия социальной общности или группы, в частности молодежи.

Известно, что положение молодежи в системе социального неравенства характеризуется значительной неопределенностью [31]. Для молодого человека позиция в жизненном цикле связана с возможностью/невозможностью успешно накапливать и реализовывать свой потенциал. Следовательно, субъективные оценки удовлетворенности молодежи теми или иными аспектами жизнедеятельности носят прожективный характер. Существенную роль в этих оценках играют социальные ожидания и формирующийся на их основе образ будущего.

Таким образом, наше понимание социального самочувствия исходит из того, что для молодежи оно во многом определяется сформированным в ее сознании образом социального будущего, важнейшим компонентом которого выступают социальные ожидания. Социальные ожидания же формируются на основе оценки молодыми людьми возможностей реализовать свой потенциал в актуальной и конкретной общественной ситуации. Следовательно, мы можем предположить и обратную связь между самочувствием и ожиданиями: стратегическое поведение молодежи, то есть поведение, нацеленное в будущее, ориентация на перспективу, формируется с учетом удовлетворенности конкретными условиями жизни здесь и сейчас, соответственно выбор жизненной, профессиональной, образовательной и других стратегий молодежи зависит от ее актуального самочувствия.

На основании взаимосвязи между социальным самочувствием и ожиданиями можно выделить несколько типов социальных настроений молодежи в соответствии с их установкой на будущее и позицией, занимаемой по отношению к настоящему. Традиционно в социоло-

гии и социальной психологии выделяют группу с оптимистическим настроением – так называемых «оптимистов», для которых характерны позитивное восприятие настоящих событий и высокая оценка жизненных перспектив. Группа с противоположной модальностью настроения – «пессимисты» подвержены негативным чувствам по отношению как к настоящему, так и к будущему [32]. Мы полагаем, что такая классификация не является исчерпывающей и не охватывает весь спектр возможных настроений молодежи. Сегодня ряд социологов говорят о распространении среди молодежи «ноувизма» как отказа от размышлений о будущем, попытки жить сегодняшним днем [33]. Кроме того, мы выделяем еще один тип настроений – «нейтрально-терпеливая» молодежь, для которой характерно принципиально иное эмоциональное состояние – принятие событий такими, как они есть, готовность терпеть их негативные последствия.

В основу нашего исследования положено понимание социального самочувствия как системы субъективных оценок молодежью своих перспектив и возможностей реализации жизненных стратегий. В структуру социального самочувствия мы включаем как объективные факторы и условия жизни, так и субъективные состояния людей.

К объективным факторам следует отнести экологические, политико-экономические, социокультурные параметры среды проживания. Они выступают в качестве институционального контекста для функционирования субъективных состояний и, преломляясь в системе ценностных ориентаций социальных субъектов, во многом определяют эти состояния.

Субъективные состояния включают удовлетворенность молодежью текущими условиями ее жизнедеятельности: социально-экономическим статусом, в том числе материальным положением, жилищными и бытовыми условиями и перспективами их улучшения; возможностями получения образования и повышения его уровня; возможностями трудовой занятости, карьеры и самореализации в профессии. Согласно основной гипотезе исследования эти компоненты сопряжены с социальными ожиданиями молодежи. Данные субъективные составляющие социального самочувствия определили основные блоки нашего эмпирического исследования.

Данные и метод

В статье использованы материалы эмпирического социологического исследования «Социальное самочувствие молодежи Свердловской области», реализованного в ноябре 2015 – январе 2016 г. под руководством Ю.Р. Вишневого и при участии авторов статьи. Методом анкетирования опрошено 2512 человек в возрасте от 15 до 30 лет, использована целевая квотная выборка, квотными признаками являются занятость (работающая, учащаяся и безработная молодежь), возраст (молодые люди трех возрастных категорий – до 20, 21–25 и 26–30 лет) и тип поселения (жители Екатеринбурга, других крупных городов области, средних и малых городов, сел и поселков городского типа).

В основу возрастных квот положены ключевые моменты самоопределения молодых людей: до 20 лет – период первичного самоопределения в профессии и образовании (окончание средней школы, поступление в учебные заведения или выход на работу); 21–25 лет – для большей части молодежи это период окончания колледжа или вуза, выход на рынок труда (поиск работы, первичное трудоустройство), 26–30 лет – период накопления социального и профессионального опыта, создания семьи, самоопределения в семейно-бытовой сфере, смены жизненных приоритетов. Возраст оказался значимым фактором, определяющим социальное самочувствие и образ будущего молодежи.

Опросом охвачена молодежь, проживающая в Екатеринбурге (44%); в других крупных городах области (25%); в средних и малых городах (24%); в сельских поселениях (7%). Это фактически повторяет распределение молодежи Свердловской области по месту проживания. При формировании выборки предполагалось,

что помимо возраста на социальные настроения и ожидания респондентов будет оказывать влияние место жительства. Однако статистически значимой связи места проживания с социальным самочувствием и ожиданиями респондентов не обнаружено.

Обработка и анализ полученных эмпирических данных выполнены с использованием программы обработки и анализа социологической и маркетинговой информации Vortex 10.

Результаты исследования

Исследование показало, что значимым настроением среди опрошенных выступает оптимизм: 45% считают, что ситуация в стране в будущем улучшится. Для молодежи в целом характерно позитивно оценивать социальное будущее, и поэтому в ответах респондентов не просматривается возрастных различий. Вместе с тем не стоит интерпретировать такие ответы сугубо как положительную оценку существующего положения дел, напротив, в ней мы видим запрос на перемены, но которые имеют отложенный характер. Молодежь, с одной стороны, демонстрирует ожидание изменений, но, с другой стороны, еще имеет определенный «запас терпения» (табл. 1).

Хотя оптимистически настроенная молодежь численно преобладает, скорее стоит говорить о том, что молодежная среда крайне дифференцирована по признаку отношения к будущим перспективам.

Следующая группа опрошенных испытывает диаметрально противоположные оптимизму ожидания будущего. Они устали ждать перемен к лучшему (14%), их настроение определяется опасениями того, что ситуация будет только ухудшаться. Нейтральные оценки характерны для такого же числа респондентов – 14%. В то же время стоит учитывать, что эта группа не ис-

Таблица 1. Настроения и ожидания молодежи различных возрастных групп, %

Какие настроения, ожидания у Вас сегодня преобладают?	Ваш возраст			
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет	ИТОГО
Считаю, что ситуация в стране улучшится («оптимисты»)	42	51	48	45
Особых изменений не предвижу, немного можно потерпеть («терпеливые»)	12	17	16	14
Уже устали ждать перемен, опасаясь, что ситуация будет только ухудшаться («пессимисты»)	15	9	17	14
Самое лучшее – жить сегодняшним днем, не забивать себе голову («ноувисты»)	29	19	17	25
Затрудняюсь ответить	2	4	2	2
ИТОГО	100	100	100	100

пытывает каких-то особых чувств по поводу будущего и может пополнять ряды «оптимистов» и «пессимистов» в зависимости от событийного контекста.

Особым явлением, требующим отдельного внимания, выступают ноувиистские установки молодежи. Ориентации на жизнь «здесь и сейчас», не затрудняя себя мыслями о будущем, построении жизненных планов, довольно типичны для всех возрастных подгрупп молодежи (25%). Однако особенно ярко они проявляются в младшей возрастной когорте (29%). В наименьшей степени они характерны для молодежи 26–30 лет (17%). Судя по всему, по мере взросления, социализации, выстраивания более сложных социальных связей молодые люди преодолевают ноувиистские установки и приобретают необходимый опыт в планировании жизни. Соответственно, с возрастом молодежь переходит из категории «ноувиистов» в группы с другими социальными настроениями и ожиданиями относительно будущего.

Ядром социального самочувствия выступает удовлетворенность различными аспектами жизни. Материальное благополучие и социально-экономический статус составляет основу удовлетворенности (табл. 2).

Прослеживается тенденция: в младшей возрастной подгруппе (до 20 лет) удовлетворенность материальным положением выше, чем в

старших. Социально-экономический статус (СЭС) данной возрастной когорты молодежи еще определяется сложившимся социально-экономическим статусом родителей. Респонденты данной группы, как правило, проживают в родительской семье, отсюда следует более спокойное отношение к материальным аспектам жизни. В свою очередь 21–25-летние молодые люди, вступая во взрослую жизнь, вынуждены самостоятельно формировать свой СЭС, конкурируя на рынке труда. При этом мы допускаем, что они все еще пользуются материальной помощью родителей, в ряде случаев проживая с ними под одной крышей. Неудовлетворенность материальным положением 26–30-летних связана с вступлением в брак, созданием семьи, необходимостью ее обеспечивать. Одновременно ими не наработан достаточный профессиональный капитал, который позволил бы достичь необходимого уровня дохода. В профессиональном плане они находятся в начале пути, перед ними стоят задачи карьерного роста.

Исследование выявило, что удовлетворенность текущим материальным положением молодежи сопряжена с ее настроениями и ожиданиями будущего (коэффициент корреляции Крамера между соответствующими переменными составил 0,125, значим). Результаты зависимости представлены в таблице 3.

Таблица 2. Удовлетворенность материальным положением различных возрастных когорт молодежи, %

В какой мере Вы удовлетворены Вашим материальным положением?	Ваш возраст			
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет	ИТОГО
Да, полностью	15,0	6,1	4,5	11,5
Скорее да, чем нет	37,7	25,7	28,5	33,2
Скорее нет, чем да	29,0	47,7	45,5	35,6
Совсем нет	15,4	20,5	21,1	17,5
Индекс удовлетворенности материальным положением*	+0,08	-0,36	-0,33	-0,08
ИТОГО	100	100	100	100

* Индекс рассчитан как разность между положительными и отрицательными ответами респондентов, деленная на 100.

Таблица 3. Взаимосвязь настроений и ожиданий молодежи и ее удовлетворенности своим материальным положением*, %

В какой мере Вы удовлетворены Вашим материальным положением?	Преобладающие настроения и ожидания			
	Оптимисты	Ноувиисты	Терпеливые	Пессимисты
Да, полностью	10	15	6	12
Скорее да, чем нет	36	37	15	24
Скорее нет, чем да	39	35	62	31
Совсем нет	15	12	17	33
ИТОГО:	100	100	100	100

* Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,125, значим.

Наиболее высокий уровень удовлетворенности своим материальным положением наблюдается в группе молодежи, считающей, что лучше жить сегодняшним днем. Ноувисты довольны своим текущим материальным статусом, что, видимо, связано с их сравнительно беззаботным существованием, и не желают задумываться о будущем.

Достаточно высокие оценки удовлетворенности зафиксированы среди молодежи, ориентированной на улучшение ситуации в стране, однако они несколько ниже, чем у «ноувистов». Молодежь, не ожидающая каких-либо изменений ситуации в будущем, но при этом готовая еще немного потерпеть, скорее не удовлетворена своим материальным положением (в этой группе преобладают ответы «скорее нет, чем да» – 62%).

Наименее довольны своим социально-экономическим статусом пессимистически настроенные респонденты. Они совсем не удовлетворены материальным положением (33%) и не видят перспектив его улучшения, напротив, ожидают сужения возможностей повысить свой социально-экономический статус в будущем.

Помимо удовлетворенности материальным положением мы измеряли такие параметры социального самочувствия, как удовлетворенность полученным образованием и профессиональной подготовкой (табл. 4).

В удовлетворенности качеством полученного или получаемого образования прослеживается возрастная специфика. Наиболее удовлетворена младшая возрастная когорта молодежи (до

20 лет), то есть в основном это респонденты, которые находятся в процессе получения образования (старшеклассники, студенты колледжей и младших курсов вузов). В данном случае их удовлетворенность/неудовлетворенность качеством образования связана с оценкой возможностей поступления в колледжи и вузы. Удовлетворенность старшей возрастной когорты (26–30 лет) несколько ниже: эти респонденты уже работают, имеют опыт взаимоотношений с работодателями и соизмеряют полученное образование с требованиями производства и бизнеса.

Не случайно, что наименее удовлетворена качеством образования средняя возрастная когорта молодежи (21–25 лет), находящаяся на стадии перехода от образовательного этапа к трудовому. Именно для её представителей наиболее актуальны вопросы поиска работы и трудоустройства, первый опыт применения полученных в образовательном учреждении знаний и навыков. Респонденты данной группы находятся «лицом к лицу» с проблемой оценки работодателем качества полученного ими образования. Согласно ряду социологических исследований, основная претензия молодежи к образованию – несоответствие его содержания требованиям работодателей [4, 17].

Удовлетворенность качеством образования значимо коррелирует с удовлетворенностью качеством профессиональной подготовки (коэффициент корреляции Крамера составляет 0,135, значим). Это подтверждает наш вывод о том, что молодежь оценивает качество полученного

Таблица 4. Удовлетворенность качеством получаемого (полученного) образования и качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки различных возрастных когорт молодежи, %

Удовлетворены ли Вы качеством получаемого (полученного) образования?	Ваш возраст			
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет	ИТОГО
Да, полностью	27	16	19	23
Скорее да, чем нет	52	45	53	49
Скорее нет, чем да	17	31	24	22
Совсем нет	4	8	4	6
ИТОГО	100	100	100	100
Удовлетворены ли Вы качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки?	Ваш возраст			
	До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет	ИТОГО
Да, полностью	22	14	16	19
Скорее да, чем нет	45	45	50	46
Скорее нет, чем да	19	33	23	23
Совсем нет	5	6	3	5
ИТОГО	100	100	100	100

образования именно в разрезе его применимости на рынке труда.

Удовлетворенность качеством получаемой или полученной профессиональной подготовки имеет аналогичную возрастную специфику (см. табл. 4). Наиболее удовлетворена младшая когорта молодежи, которая еще не имеет опыта профессиональной деятельности; наименее – молодежь в возрасте 21–25 лет, находящаяся в активном поиске своей профессиональной ниши на рынке труда. Наше исследование еще раз подтверждает факт: по-прежнему актуален «разрыв» между профессиональным образованием и рынком труда, о котором уже давно говорят социологи [32].

Обе переменные, и удовлетворенность качеством образования, и удовлетворенность профессиональной подготовкой, коррелируют с настроениями и ожиданиями молодежи (табл. 5 и 6).

В целом респонденты вне зависимости от высказанных настроений относительно будущего скорее удовлетворены качеством получаемого (полученного) образования, чем не удовлетворены, хотя доля неудовлетворенных образованием в той или иной степени значительна: она варьируется от 23% среди молодежи, настроенной жить сегодняшним днем, до

43% среди пессимистично настроенной молодежи. Удовлетворенность качеством профессиональной подготовки примерно на таком же уровне: доля неудовлетворенных (полностью или частично) составляет 25% среди молодежи с ноувиетскими установками и 37% среди пессимистов и молодежи, настроенной «потерпеть».

Однако дальнейший анализ удовлетворенности показывает различия в соответствии с выявленными настроениями и ожиданиями молодежи.

Наиболее удовлетворена качеством образования, как и в случае с материальным положением, молодежь с ноувиетскими установками на будущее. К ней близка группа молодежи, выражающей оптимистичный настрой. Более осторожные оценки качества получаемого (полученного) образования дает молодежь, настроенная еще потерпеть: ее ответы смещаются к средней части шкалы удовлетворенности (скорее да, чем нет; либо скорее нет, чем да). Молодежь, пессимистически настроенная относительно будущего, оценивает качество образования более радикально: среди нее наиболее высока доля неудовлетворенных качеством образования (15% совсем не удовлетворены и 28% скорее не удовлетворены, чем удовлетворены).

Таблица 5. Удовлетворенность качеством получаемого (полученного) образования в зависимости от социальных настроений и ожиданий молодежи*, %

Удовлетворены ли Вы качеством получаемого (полученного) образования?	Преобладающие настроения и ожидания			
	Оптимисты	Ноувиеты	Терпеливые	Пессимисты
Да, полностью	23	24	9	16
Скорее да, чем нет	51	53	63	41
Скорее нет, чем да	21	22	22	28
Совсем нет	5	1	6	15
ИТОГО:	100	100	100	100
* Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,123, значим.				

Таблица 6. Удовлетворенность качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки в зависимости от социальных настроений и ожиданий молодежи*, %

Удовлетворены ли Вы качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки?	Преобладающие настроения и ожидания			
	Оптимисты	Ноувиеты	Терпеливые	Пессимисты
Да, полностью	20	26	9	14
Скорее да, чем нет	48	49	54	49
Скорее нет, чем да	26	23	34	25
Совсем нет	6	2	3	12
ИТОГО:	100	100	100	100
* Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,112, значим.				

Интересно, что похожая картина наблюдается в оценке удовлетворенности качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки (см. табл. 6). Ею также наиболее удовлетворена молодежь, ориентированная на сегодняшний день (ноуви́сты – 26 и 49%).

Несколько в меньшей степени, но довольно существенно удовлетворена оптимистично настроенная молодежь (20 и 48%). В остальных двух группах молодежи удовлетворенность качеством профессиональной подготовки значительно ниже.

Если разделить ответы «пессимистов» и «терпеливой» молодежи на два полюса – позитивный и негативный, то удовлетворенных и неудовлетворенных оказывается поровну в обеих группах: соответственно удовлетворенных в той или иной степени в каждой группе по 63%, а неудовлетворенных – по 37%. Но если опасаящиеся негативного сценария будущего тяготеют к крайним оценкам (чаще, чем «терпеливые», отмечают ответы «полностью удовлетворен» либо «совсем не удовлетворен»), то молодежь, согласная потерпеть еще немного, снова, как и в случае с удовлетворенностью качеством образования, занимает несколько неопределенную позицию: чаще, чем респонденты других групп, выбирает ответы из средней части шкалы – «скорее да, чем нет» либо «скорее нет, чем да».

Таким образом, на основании эмпирического анализа взаимосвязи между социальным самочувствием и ожиданиями мы видим подтверждение наличия и реального функционирования таких установок на будущее и позиций, занимаемых по отношению к настоящему среди молодежи, как «ноуви́зм», «оптимизм», «пессимизм» и «терпеливость». Дадим обобщающую характеристику данных групп.

1. «Ноуви́сты». Их оказалось довольно много – четверть опрошенных. Ноуви́сты представляют собой группу, наиболее довольную своим материальным положением, качеством полученного образования и качеством полученной профессиональной подготовки, то есть, казалось бы, образуют группу с наиболее адаптивным социальным самочувствием. Однако отказ выстраивать перспективу снижает преобразовательную активность данной группы.

Учитывая, что ноуви́стские установки наиболее выражены в группе молодежи до 20 лет, имеет смысл предположить маргинальный характер данной группы. По мере своего самоопределения – социального, образовательного, профессионального и семейно-бытового – возможно ее «перетекание» в группы с другими установками – «оптимистичными», «пессимистичными» или «нейтрально-терпеливыми». И здесь результат во многом будет зависеть от объективных возможностей самореализации, предоставляемых обществом молодежи.

2. «Оптимисты». Данная группа обладает позитивной установкой на перспективу, что довольно характерно для молодежи, поэтому в выборке она составляет почти большинство – 45%. В то же время «оптимисты» характеризуются высоким уровнем удовлетворенности показателями социального самочувствия. Хотя их оценка существующего не столь «безоблачна», как у «ноуви́стов». Присутствует некоторое ожидание, намерение изменить социальную реальность в лучшую сторону, и в этом мы видим потенциал данной группы.

3. «Пессимисты» (14%) опасаются ухудшения ситуации в будущем, не видят позитивных перспектив и поэтому они наиболее не удовлетворены из всех групп. Тем не менее их отрицательно заряженный потенциал может быть источником активности, направленной на перемены к лучшему. Критический настрой, как известно, первый шаг к изменению ситуации.

4. Особая категория молодежи – «терпеливые» (14%). С одной стороны, им свойственна негативная оценка, неудовлетворенность существующим, хотя она несколько «сглажена» по сравнению с «пессимистами». Но, с другой стороны, для них характерна ориентация на сохранение этого «негативного» существующего. Их согласие «потерпеть» снижает, на наш взгляд, преобразовательный потенциал этой группы молодежи.

Выводы

Обобщая проведенный анализ, мы можем заключить следующее. Социальное самочувствие молодежи индустриального региона, измеренное нами по трем параметрам – удовлетворенности материальным положением, удовлетворенности качеством получаемого (по-

лученного) образования и удовлетворенности качеством получаемой (полученной) профессиональной подготовки, — взаимосвязано с ее социальными ожиданиями и настроениями. Таким образом, наша теоретическая гипотеза о зависимости социального самочувствия и ожиданий подтвердилась.

Связь между ожиданиями и самочувствием носит ризомный или реверсивный характер. С одной стороны, видение и ощущение молодежью своих перспектив, позитивное или негативное, или отказ видеть какие-либо перспективы определяет субъективное восприятие ею своего текущего социально-экономического, образовательного и профессионального статуса. С другой стороны, эмоционально окрашенная оценка текущей ситуации молодежью, ее актуальное самоощущение в социуме может влиять, а точнее усиливать позитивный или негативный настрой на перспективу.

Исследования показали, что в оценке перспектив на будущее и текущего состояния дел молодежь неоднородна. Нам удалось выявить четыре группы молодежи, которым свойственны различные настроения и ожидания, сопряженные с разным уровнем удовлетворенности актуальной ситуацией, разным социальным самочувствием: «ноуви́сты», «оптимисты», «пессимисты» и «терпеливые». Наличие выделенных типов характерно для молодежи индустриального региона. Локализация объекта исследования — Свердловская область, которая относится к типичному индустриальному региону России с большим количеством промышленных предприятий, сложившимися образовательными инженерно-техническими центрами, со значительной долей молодежи, занятой в промышленном производстве. Допускаем, что наличие выделенных типов и их доля может варьироваться в зависимости от региональной экономической и социальной специфики. С

нашей точки зрения эта тема может быть предметом дальнейших сравнительных региональных исследований.

Наиболее благополучная оценка своего социального самочувствия «ноуви́стами» сопряжена с отсутствием у них какой-либо ориентации на будущее, отказом оценивать перспективы и желанием жить сегодняшним днем. Две выделенные нами группы, «оптимисты» и «пессимисты», противоположны в своих оценках как перспектив на будущее, так и текущей ситуации. Однако, на наш взгляд, их объединяет некий преобразовательный потенциал, основанный на равнодушии к действительности и желании изменить, улучшить социальную реальность. Негативизм группы «терпеливых» в сочетании с готовностью терпеть существующее, напротив, снижает их ценность как ресурса конструктивных изменений.

Обозначенные нами типы служат не столько делу утверждения их в качестве теоретической модели, сколько перебрасывают мост к дальнейшим дискуссиям и специальным исследованиям, посвященным образу социального будущего молодежи. Тем не менее обнаруженные категории молодежи могут стать базой для дальнейшей теоретизации в русле социологии личности и углубления аксиологического направления данной темы.

Безусловно, сопоставляя различные параметры социального самочувствия молодежи с ее ожиданиями, мы понимаем, что само социальное самочувствие включает в себя достаточно широкий спектр характеристик и не исчерпывается рассмотренными в статье параметрами. Анализ социального самочувствия как комплексного феномена и сложного характера его связи с настроениями и ожиданиями молодежи мы видим в качестве дальнейшей перспективы исследований.

Литература

1. Акбердина В.В., Сергеева А.С. Индустриальные регионы России: сравнительный анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 7 (122). С. 98-117.
2. Экономическая динамика России и регионов в условиях структурного кризиса: анализ и прогнозирование / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, О.П. Иванов, А.В. Кочеров // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 47-55.

3. Банникова Л.Н., Боронина Л.Н., Вишневецкий Ю.Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 58-69.
4. Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л.Н. Банникова [и др.]; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Ю.Р. Вишневецкого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
5. Campbell A. Subjective Measures of Well-Being. *American Psychologist*, 1976, no. 31, pp. 117-124. DOI: 10.1037//0003-066X.31.2.117
6. Martinez-Martinez O.A., Vazquez-Rodriguez A.M., Lombe M., Gaitan-Rossi P. Incorporating Public Insecurity Indicators: A New Approach to Measuring Social Welfare in Mexico. *Social Indicators Research*, 2018, vol. 136, no. 2, pp. 453-475. DOI: 10.1007/s11205-016-1544-6
7. Biswas-Diener R., Diener E., Tamir M. The Psychology of subjective well-being. *Daedalus*, 2004, vol. 133, no. 2, pp. 18-25. DOI: 10.1162/001152604323049352
8. Diener E., Sapyta J.J., Suh E. M. Subjective well-being is essential to well-being. *Psychological Inquiry*, 1999, vol. 9, no. 1, pp. 33-37.
9. Campbell A, Converse P. E, Rodgers W. L. (Eds.). *The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfactions*. New York: Russell Sage Foundation, 1976.
10. Diener E., Tay L. Subjective well-being and human welfare around the world as reflected in the Gallup World Poll. *International Journal of Psychology*, 2015, vol. 50 (2), no. 1, 2, pp. 135-149. DOI: 10.1002/ijop.12136
11. Mercier C. Improving the Quality of Life of People with Severe Mental Disorders. *Social Indicators Research*, 1994, no. 33, pp. 165-192. DOI: 10.1007/BF01078961
12. Easterlin R.A. An Economist's Road to Subjective Well-Being. *Applied Research in Quality of Life*, 2014, vol. 9, no. 3, pp. 783-785. DOI: 10.1007/s11482-014-9329-z
13. Hagerty M.R., Veenhoven R. Wealth and Happiness Revisited - Growing wealth of nations does go with greater happiness. *Social Indicators Research*, 2003, vol. 64, pp. 1-27. DOI: 10.1023/A:1024790530822
14. DeJonge T., Veenhoven R., Kalmijn W., Arends L. Pooling Time Series Based on Slightly Different Questions About the Same Topic Forty Years of Survey Research on Happiness and Life Satisfaction in The Netherlands. *Social Indicators Research*, 2016, vol. 126, no. 2, pp. 863-891. DOI: 10.1007/s11205-015-0898-5
15. Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования: коллективная монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневецкого, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 205 с.
16. Севек В.К., Соян Ш.Ч., Севек Р.М. Социальное самочувствие молодежи республики Тыва // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 141-144.
17. Мягков А.Ю. Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 102-109.
18. Фролова Н.Л. Социальное самочувствие молодежи в период трансформации российского общества: региональный аспект // Социология и жизнь. 2009. № 1. С. 74-79.
19. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 55-62.
20. Гриценко В.В., Субботина И.А. Социальное самочувствие и адаптация // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2008. С. 45-82.
21. Шаламова Л.Ф. Показатели социальной активности молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 128-138.
22. Бафанов А.П. Социальное самочувствие рабочих как критерий уровня социальной напряженности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2013. № 2. С. 7-12.
23. Варшавская Е.Я. Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования в странах ЕС и России // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 40-47.
24. Блинова Т.В., Вялышина А.А. Молодежь вне сферы образования и занятости: оценка сельско-городских различий // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 40-49.

25. Спиридонова Е.Л. Социальное самочувствие незанятой городской молодежи в условиях безработицы: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Новочеркасск, 2007. 156 с.
26. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50-55.
27. Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи. М.: Институт социологии РАН, 1992. 185 с.
28. Рубина Л.Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63-75.
29. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи (опыт изучения возрастной когорты): дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 1997. С. 154.
30. Bagirova A.P., Notman O.V., Bagirov A.D., Goryainov S.V. Subjective Wellbeing of Residents as an Indicator of the Social Partnership Effectiveness in Urban Governance. *Proceedings of the International Conference Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies (IT&QM&IS)*, 2017, pp. 4-8.
31. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Academia, 2008. 272 с.
32. Ключарев Г.А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49-56.
33. Гражданская культура современного российского студенчества / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, В.Т. Шапко. Екатеринбург, 2007. 325 с.
34. Коломиец О.В. Социальное самочувствие как проблема социальной психологии // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 3. С. 14-25.
35. Лапин Н.И. Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // VIII Международная научная конференция «Модернизация экономики и общественное развитие»: в 3 кн. / под ред. Е.Г. Ясина. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. Кн. 2. С. 210-219.

Сведения об авторах

Яна Викторовна Дидковская – доктор социологических наук, доцент, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: diyana@yandex.ru)

Дмитрий Валерьевич Трынов – старший преподаватель, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: dmitrynov@inbox.ru)

Didkovskaya Ya.V., Trynov D.V.

Social Well-Being and Expectations of the Youth in the Industrial Region

Abstract. The article covers the social expectations of young people in a large industrial region of Russia in relation to their social well-being. The information framework of the article consists of results of a sample study conducted by the sociologists of Ural Federal University supervised by Yu.R. Vishnevsky in 2016 in the Yekaterinburg and Sverdlovsk oblasts. The survey sample includes 2,512 people aged 15–30, target quota sample was used, with quota signs such as employment (working, studying, and unemployed youth), age (young people of three age groups – under 20, 21–25, and 26–30) and type of settlement (residents of Ekaterinburg, other large cities in the region, medium or small towns, villages and urban-type settlements). The present paper raises the problem of studying the social well-being of young people, with a key factor being their focus on the future, their expectations and life strategies. Based on analysis of scientific concepts devoted to the population's social well-being, an important feature of the youth as a socio-demographic group is revealed: their focus on the future and a vast planning horizon. A reasonable

assumption is put forward, which is partially confirmed by the survey results: the social well-being of young people largely depends on the established image of the future and assessment of their life prospects. Respondents confident in their future tend to be more positive about the present. Based on the survey data groups of young people are classified in terms of their attitude towards their life prospects: “the nowists” (“*now*”), “the optimistic”, “the pessimistic” and “the patient”. The problem of discussion the authors identify for the in the future is the following: young people with a clear image of their future who arrange their lives according to their life strategies demonstrate a better ability to social adaptation.

Keywords: social well-being, life prospects, social expectations, socio-economic status, image of the social future.

Information about the Authors

Yana V. Didkovskaya – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: diyana@yandex.ru)

Dmitrii V. Trynov – Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: dmitrynov@inbox.ru)

Статья поступила 10.05.2018.